

*Н.Н. Селезнев*

**Ибн Хазм о Боговоплощении  
и конфессиональном делении  
в христианстве**

Установление на Ближнем Востоке, в северной Африке и в южной Европе арабского владычества стало вызовом для мусульманских мыслителей, которым предстояло дать ответы на вопрошания представителей духовных культур завоеванных стран о высших смыслах, отстаиваемых мусульманами, распространившими свое политическое господство и претендовавшими на господство идейное. Письменные памятники, свидетельствующие об интеллектуальных столкновениях и творческом подъеме, имевших место в культурных центрах арабского Халифата, представляют несомненную ценность для исследователей культурного наследия различных религиозных сообществ, живших в охваченных арабским правлением странах.

Культура Андалусии, или мусульманской Испании, к IX в. была уже вполне арабизированной. Альвар Павел, епископ Кордовы, так описывал среду испанских интеллектуалов своего времени:

«Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большой правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное Писание? Кто среди них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления

достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятно сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы»<sup>1</sup>.

Знаменитый мусульманский полемист из Кордовы Абу Мухаммад ибн 'Али ибн Ахмад ибн Хазм (994–1064)<sup>2</sup>, составил обстоятельный труд «Разбор религий, ересей и сект» (*Kitāb al-faṣl/fiṣal fī-l-milal wa-l-ahwā' wa-n-niḥal*)<sup>3</sup>, в котором изрядное число страниц посвятил критическому рассмотрению священных книг и убеждений иудеев и христиан<sup>4</sup>. Затронув вопрос конфессионального состава христианства, он сначала приводит сведения об арианстве, павлианах (последователях Павла Самосатского), македонианах и «барбаранитах» (*al-barbarā-niyya*), отмечая, что последние в его время уже не существуют<sup>5</sup>. Затем он продолжает:

«В основе их [т.е. христиан] деления сегодня – три сообщества, и наибольшее из них – сообщество мелькитов. Это – толк всех царей христиан, кроме эфиопов и нубийцев, и толк простого народа жителей каждого царства у христиан, за исключением эфиопов и нубийцев, и толк всех христиан Ифрикии, Сицилии и Андалусии, и основной массы народа [стран] Сирии [*aṣ-Ṣām*]. Они говорят, что Бог Всевышний представляет

собой, по тому, что они говорят, три вещи – Отец, и Сын, и Дух Святой, – и все они присносущие. И что 'Йсā (мир ему!) – Бог всецело совершенный и человек всецело совершенный, и каждый из обоих никто иной, как другой. И что распятый и убитый – это человек от него, и что Бога от него не затронуло ничто из этого. И что Марйам родила Бога и человека, и что они оба – единое целое: Сын Бога (превыше Бог их безбожия!). Несториане говорят подобное сему точь-в-точь, кроме того, что они говорят, что Марйам не родила Бога, а именно родила человека, и что Бог Всевышний не родил человека, а именно родил Бога (превыше Бог их безбожия!). Это сообщество преобладает в Мосуле и Ираке, в Персии и Хорасане, и относят их к Несторию, который был патриархом в Константинополе. Яковиты говорят, что Христос (*al-Masīh*) есть Сам Бог Всевышний, и что Бог (превыше Он их великого безбожия!) умер, был распят и убит, и что мир три дня пребывал без Правителя, и небо свод – без Управляющего; затем Он восстал и снова стал, как был. И что Бог Всевышний оказался новозданным, и что сей новозданный оказался превечным, и что Самим Всевышним было беременно чрево Марйам. Они [пребывают] в областях Египта, и все нубийцы, и все эфиопы, и цари, правители сих упомянутых двух народов [принадлежат к ним]»<sup>6</sup>.

Дав описание трех конфессий, составляющих «основу» христианства, Ибн Хазм переходит к рассмотрению христианской догматики. Важнейшее положение христианского вероучения – о богочеловеческом единстве во Христе – представлено в его критическом обзоре следующим образом:

«Они [т.е. христиане] говорят, что Бог соединился с человеком в том смысле, что они двое стали одной вещью. Яковиты говорят: как соединение воды, вливаемой в вино, – становятся они одной вещью. Несториане говорят: как соединение воды, вливаемой в масло, – каждое из обоих остается в своем достоинстве. Мелькиты говорят: как соединение огня в раскаленной пластине [металла]. Всё сие – предельно порочно. Во-первых, это утверждения, подобные которым под силу и неумному, и нет в их Евангелии ничего из этих формул. Во-вторых, всё это невозможно, так как: (1) высказывание мелькитов, при том уподоблении, которое они делают [на примере огня и металла], состоит в том, что это [единство –] акциденция (или случайный признак – *'araq*) в субстанции (или сущности – *ḡawhar*), и не допустимо [у них] ничего, кроме этого, и Бог, по их высказыванию, – акциденция, а человек – субстанция, и это предельно порочно; (2) то, что говорят яковиты – еще порочнее, потому что мы им говорим: если Бог превратился в человека, то Христос – человек, а не Бог; если же человек превратился в Бога, то Христос – Бог, а не человек; если же ни один из них не превратился в другого, то это уже слова несториан, а не их слова; если же каждый из двоих превратился в

<sup>1</sup> *Indiculus luminosus* // *Patrologia Latina* / Accur. J.-P. Migne. T. CXXI. Paris: Apud J.-P. Migne, 1852. Col. 554–556; Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 11–12; Чернина Л.В. «Non gente, sed fide Judaeus» и «fide et gente Hebraeus»: К проблеме вероотступничества в аль-Андалусе IX века // Вестник РГГУ. Серия «История / *Studia classica et mediaevalia*». 2008. № 12 («Кентавр» № 5). С. 136–152.

<sup>2</sup> Русскому читателю он, вероятно, более известен как сочинитель трактата о любви «Ожерелье голубки»: *Ибн Хазм. Ожерелье голубки* / Пер. с араб. М.А. Салье под ред. И.Ю. Крачковского. М.: Изд-во вост. лит., 1957.

<sup>3</sup> *Ibn Ḥazm, Abū Muḥammad 'Alī Kitāb al-faṣl fī-l-milal wa-l-ahwā' wa-n-niḥal*. [al-Qāhira: al-Maṭba'a al-'Adabiyya], 1321 [1903].

<sup>4</sup> См.: *Pulcini Th. Exegesis as polemical discourse: Ibn Ḥazm on Jewish and Christian Scriptures*. 2 vols. Ph.D. Dissertation. University of Pittsburgh, 1994. Изд.: Atlanta: The American Academy of Religion, 1998.

<sup>5</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl*. Ğ. 1. Ṣ. 48; англ. пер.: *Āsās Gh.Ḥ. Muslim Understanding of Other Religions: An Analytical Study of Ibn Ḥazm's Kitāb al-Faṣl fī al-Milal wa al-Ahwā' wa an-Niḥal*. Ph.D. Dissertation. The Temple University, 1986. P. 151–153. Йоханнан Бар Пенкайе (VII в.) в своем ересологическом обзоре упоминает *barbūryānē*. *Mingana A. Sources Syriacques*, Vol. I, Mšīḥa-Zkha (texte et traduction). Bar-Penkayê (texte). Leipzig: O. Harrassowitz, [1908]. P. 125\*.

<sup>6</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl*. Ğ. 1. Ṣ. 48–49.

другого, то тогда Бог стал человеком, а не Богом, и человек стал Богом, а не человеком; и получается у них после этой глупости то, что говорят несториане, и не более; а если оба превратились не в человека и не в Бога, то Христос – не Бог и не человек, но сие противоречит тому, что они говорят; (3) что же касается несториан, то у них ничего не добавляется, как [сказано] выше, коль скоро они говорят, что человек – человек, и Бог – Бог, и получается, что каждый достойный или порочный в мире – это человек, а Бог – это Бог; Христос же и другой помимо Него из людей – равны»<sup>7</sup>.

Очевидно, что Ибн Хазм не только прослеживает вероучительные расхождения основных христианских конфессий в этой части догматики, но и выстраивает определенную градацию излагаемых доктрин, главным образом по степени «порочности» с точки зрения мусульманского мыслителя: учение яковитов – «более порочное», чем учение мелькитов; несториане же «порочны» в общем смысле, как исповедующие соединение Бога с человеком. Главное в христианском учении о Боговоплощении, что вызывает у Ибн Хазма неприятие, – это идея «превращения» нетварного (Божества) в тварное (человечество), и наоборот:

То, что они говорят, невозможно, потому что Присносуший (*allaḏī lam yazaal*<sup>8</sup>) не превращается (*lā yastaḥīl*) в природу тварного человека, и не превращается тварный в Бога Присносущего – это вне всякого сомнения невозможно, недоступно само по себе. И также человек не соседствует с Богом соседством по месту, потому что это невозможно и невообразимо. И не может Бог быть акциденцией (*araḏ*), которая несет в себе субстанцию (*ḡawhar*) человека, и также не может быть, чтобы человек был акциденцией, которая несет в себе Бога в Его существе (*fī ḏātihī*), как то утверждают мелькиты, уподобляя это единение сиянию солнца в доме и огню в раскаленном куске железа. Так что правильно [считать], что всё, что они говорят, – невозможно и несостоятельно, и глупость, которую принимает разве что неразумный, и они не в состоянии утверждать наличие чего-либо из этого в книгах пророков в принципе»<sup>9</sup>.

Представление о том, что именно яковитами подчеркивалась идея «превращений», энергично отвергаемая Ибн Хазмом, обнаруживается и в других произведениях традиционного мусульманского религиозно-

ведения<sup>10</sup>. Под противопоставляемыми понятиями «случайного/привнесенного признака» или «акциденции» (*araḏ*) и «сущности» или «субстанции» (*ḡawhar*)<sup>11</sup> в христологии мелькитов Ибн Хазм, вероятно, имеет в виду описание Боговоплощения посредством терминов «природа» или «сущность» и «ипостась» или «лицо». Восприятие «лицом» («ипостась») иной, по отношению к собственной, «природы» («сущности») – положение характерное для учения халкидонитов – также отвергается Ибн Хазмом. Отметим, что в халкидонском (мелькитском) богословии понятие «ипостась» было сближено почти

<sup>10</sup> Ср., напр., пассажи в сводном труде ал-Калкашанди (о нем см. далее): «Затем, кто-то из них говорит, что Христос – это Бог Всевышний. <...> Кто-то из них говорит, что проявилось божество человечеством, и стало человечество Христа внешностью Истины не путем вселения части в него, и не путем единства Слова, которое в статусе атрибута, но стал Он Сам, так же, как говорится, что ангел явился в образе человека, а шайтан явился в образе скота, как то сообщает Ниспослание [=Коран] о Джibriле – мир ему! – речением Всевышнего: “принял он пред ней обличие совершенного человека” (19:17; пер. И.Ю. Крачковского) <...> И говорят: человек стал Богом, а не наоборот, и не говорится, что Бог стал неким человеком; как кусок угля, брошенный в огонь, – говорится, что стал кусок угля огнем, и не говорится, что огонь стал куском угля, и он поистине не огонь абсолютный, и не кусок угля абсолютный, на горящий уголь». Христиане в сводном труде служащего мамлюкской канцелярии: ал-Калкашанди о христианстве и его основных конфессиях / Пер. с араб. Н.Н. Селезнева; под ред. Д.А. Морозова // *Syriaca & Arabica* (Символ 58). Париж; Москва: ИФТИ, 2010. С. 398–399.

<sup>11</sup> При переводе произведений арабо-мусульманской философской классики термин *ḡawhar* обыкновенно передается как «субстанция» (*Смирнов А.В.* Словарь средневековой арабской философской лексики // *Средневековая арабская философия. Проблемы и решения* / Отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Восточная литература, 1998. № 484. С. 416). В арабо-христианских текстах термин *ḡawhar* фигурирует как аналог греческого термина οὐσία, традиционно передаваемого по-русски как «сущность». Так, в тексте Никейского Символа веры, процитированном Ибн Хазмом (*Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl. Ğ. 1. Ṣ. 54*), слова ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς («из сущности Отца»; *Kelly J.N.D.* *Early Christian Creeds*. London; New York: Continuum, 2006. P. 215; Деяния Вселенских Соборов. Т. 1–7. Казань: КДА, 1892–1913. Т. 1. С. 69) переданы как *min ḡawhar abī-hi*. В то же время в Никейском Символе веры понятия οὐσία («сущность») и ὑπόστασις («ипостась») представлены как синонимы: отвергается всякий исповедующий, что Сын «из иной [нежели Отца] ипостаси или сущности» (ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας; *Kelly*, *Op. cit.* P. 216). Греческий термин ὑπόστασις является формальным аналогом латинского термина *sub-stantia*, и, таким образом, при соотнесении с т. н. староникейской системой понятий термины «сущность» и «субстанция» могут употребляться как взаимозаменяемые (*Grillmeier A.* *Jesus der Christus im Glauben der Kirche*. В. 2/2: *Die Kirche von Konstantinopel im 6. Jahrhundert*. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1989. S. 65).

<sup>7</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl. Ğ. 1. Ṣ. 53–54.*

<sup>8</sup> Исх. 3:14. См.: *Жамкочян А.С.* Йусуф ал-Магрибй и Самаритянское Пятикнижие // *Жамкочян А.С.* Вновь идентифицированные и неопубликованные фрагменты арабских версий самаритянского Пятикнижия из собрания Российской Национальной библиотеки. СПб.; М.: Паймс, 2001. С. 207–209.

<sup>9</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl. Ğ. 1. Ṣ. 54.*

до отождествления с понятием «лицо»<sup>12</sup>, и понятие «лицо» могло определяться как совокупность акциденций. Очевидно, что андалусец Ибн Хазм имел дело в основном с представителями латинской части сообщества мелькитов, а в латинской версии догмата о Боговоплощении аналогом греческого слова «ипостась» служил именно термин «лицо» (*persona*)<sup>13</sup>.

Нужно заметить, что выстраивание градации основных христианских конфессий с целью выявления среди них взглядов более близких к мусульманским представлениям о Христе и наиболее удаленных от них свойственно не только Ибн Хазму. Так, 'Абдаллах ибн Исмаил ал-Хашими в своем послании – апологии ислама, – написанном ок. 820 г. и адресованном христианину 'Абд ал-Масиху ибн Исхаку ал-Кинди сообщает, что имел беседы с католикосом-патриархом Церкви Востока Тимофеем I (*Tīmūtāwus al-ġātlīq*)<sup>14</sup>, а также с представителями «сих трех выделившихся христианских сообществ» (*ahl firaqikum hādīhi-t-talāt allatī hiya zāhira*). «Мелькиты, – пишет он ал-Кинди, – это принявшие [сторону] царя Маркиана, во время раздора, случившегося между Несторием и Кириллом; это ромеи (*ar-Rūm*). Яковиты – наиболее неверные, учение которых наиболее дурное, и исповедание самое плохое, они наиболее удалившиеся от истины, говорящие по учению Кирилла Александрийского, Якова Барадея (*al-Barda'ānī*) и Севира, владыки престола Антиохийского. Несториане,

твои сотоварищи, – они, клянусь жизнью, наиболее близки к суждениям тех, кто беспристрастен из наших людей богословия и рассуждения, более склонны к тому, что говорим мы, мусульмане»<sup>15</sup>.

Также и выделение в христианстве трех основных «отделений» (*firaq*) отмечается у достаточно ранних мусульманских полемистов, историков и религиоведов и продолжает оставаться особенностью такого рода сочинений вплоть до Османской эпохи, когда их составление перестает быть обыкновением. Подобное деление трех названных сообществ проводит Мухаммад ибн Харун Абу Иса ал-Варрак (–861) в своем полемическом сочинении «Опровержение трех отделений из христиан» (*Kitāb ar-radd 'alā-t-talāt firaq min an-naṣārā*): «Мы не упоминаем... утверждения других видов христиан, таких как марониты и юлианиты, савеллиане и ариане, павлиане, последователи Павла Самосатского, или других отделений, потому что мы написали эту книгу именно об основной массе сих трех отделений, а не других (*ġumhūr hādīhi-l-firaq at-talāt lā ġayr*)»<sup>16</sup>. Знаменитый мусульманский правовед и мыслитель Мухаммад аш-Шахрастани в своем доксографическом труде «О религиях и сектах» (*Kitāb al-milal wa-n-nihal*) следует той же методологии: «Затем разошлись христиане на семьдесят два отделения<sup>17</sup>, – пишет он, – и больших отделений их три – мелькиты, несториане и яковиты»<sup>18</sup>. Надо сказать, что сходным же образом о разделениях христиан высказывался и сирийский арабоязычный христианский автор – Али ибн Дауд ал-Арфади (несомненно, под влиянием деления, принятого в работах мусульманских

<sup>12</sup> «Новоникейская» система понятий была разработана каппадокийскими церковными мыслителями (*Поснов М.Э.* История христианской Церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1964; гл. «“Новоникейцы”. Каппадокийцы». С. 360 слл.), проводившими различие между «сущностью» и «ипостасью» и говорившими о *трех ипостасях* Божества. Развитие в переосмыслении понятия «ипостаси» засвидетельствовано позднее в вероопределении Халкидонского собора (451 г.), провозгласившего, что во Христе природы божества и человечества соединяются «в одном лице и одной ипостаси» (εἰς ἓν πρόσωπον καὶ μίαν ὑπόστασιν; *Schwartz E.* [et al.] *Acta Conciliorum Oecumenicorum*. Tt. 1–4. Berolini–Lipsiae: Walter de Gruyter, 1914–1984. Т. 2. Vol. 1. Pars 2. P. [325]/129:33). В латинских переводах для передачи термина ὑπόστασις стал использоваться термин *subsistentia* (*Grillmeier*, *Ibid.*).

<sup>13</sup> См., напр., S. Leonis Papae I Epistola ad Flavianum Episcopum Constantinopolitanum // *Patrologia Latina / accur. J.-P. Migne*. Т. LXII. Paris: Apud J.-P. Migne, 1863. Col. 505D.

<sup>14</sup> Прения этого католикоса-патриарха с халифом ал-Махдī представляют собой замечательный памятник полемической литературы. См. Католикос и Халиф: Богословские собеседования между Католикосом Церкви Востока Мар Тиматеосом I (727–823) и халифом ал-Махди, повелителем правоверных / Пер. с араб. Н.Н. Селезнева; под ред. Д.А. Морозова // *Камень веры: духовное наследие христианства и ислама*. 2011. № 1. С. 67–100.

<sup>15</sup> *Risālat 'Abd Allāh ibn Ismā'īl al-Hāšimī ilā 'Abd al-Masīh ibn Ishāq al-Kindī yad'ū-hu bi-hā ilā al-Islām, wa-risālat 'Abd al-Masīh ilā al-Hāšimī yaruddu bi-hā 'alay-hi wa-yad'ū-hu ilā-n-naṣrāniyya*. London: [б.и.], 1885. §. 5–6 (араб. текст); *Tartar G.* *Dialogue islamo-chrétien sous le Calife al-Ma'mūn (813–834): Les épîtres d'al-Hashimī et d'al-Kindī*. (Études Coraniques). Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1985. P. 85 (фр. пер.).

<sup>16</sup> *Thomas D.* *Anti-Christian polemic in early Islam: Abū 'Īsā al-Warrāq's "Against the Trinity"*. Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 1992. P. 70 (араб. текст), 71 (англ. пер.).

<sup>17</sup> Представление о разделении христианства на семьдесят два толка, по видимому, было заимствовано из хадисов. См. *Juybnoll G.H.A.* *Encyclopedia of Canonical Ḥadīth*. Leiden: Boston: Brill, 2007. P. 437, 458.

<sup>18</sup> (1076–1153); *Kitāb al-milal wa-n-nihal*. *Book of Religious and Philosophical Sects*, by Muhammad al-Shahrastānī / Ed. by W. Cureton. Pt. 1. London: Soc. for publication of Oriental texts, 1842. §. 173. См. о нем в: *Аш-Шахрастани, Мухаммад ибн 'Абд ал-Карīm*. Книга о религиях и сектах (Kitāb ал-милал ва-н-ниҳал). Ч. 1: Ислам / Пер. с араб., введ. и комм. С.М. Прозорова. (Памятники письменности Востока, 75). М.: Наука, 1984. С. 18–24.

исследователей религий): «Сводятся они к трем сообществам и восходят к трем толкам, как бы к [трем] корням, а именно, сообществу несториан, сообществу мелькитов и сообществу яковитов, а всё, что есть [помимо этих трех общин] суть сообщества, [которые] от них [происходят] и к ним же сводятся, как то марониты, исаакиты и (п)авлиане и другие, помимо них, из ответвлений религии христиан»<sup>19</sup>.

Подытоживая обзор критического разбора Ибн Хазмом христианского учения о Боговоплощении, отметим, что представление о соединении с человечеством Слова Божия – одно из важнейших положений христианского богословия – было совершенно не воспринято мусульманским полемистом: «Они [т. е. христиане] приписывают к их упоминанию Отца, и Сына, и Святого Духа четвертой вещи – Слова, которое соединилось у них с человеком, объединившимся с ним в утробе Марьям – мир ей!»<sup>20</sup>. Ибн Хазм посвятил несколько страниц своего трактата доказательству абсурдности отождествления Слова с каким-либо лицом Троицы<sup>21</sup>.

Вернемся к вопросу о выделении Ибн Хазмом и другими мусульманскими авторами основных христианских конфессий и их градации. У Ибн Хазма прослеживается градация христианских конфессий, выстроенная не только по критерию близости или удаленности по отношению к мусульманским представлениям о Христе. Им выделена и помещена на первое место, как наибольшая из трех, конфессия мелькитов. Она же, по его словам, наиболее влиятельная, поскольку к ней принадлежат почти все христианские цари. Ибн Хазм вкратце указывает и регионы, где распространены общины этого исповедания, – северная Африка, южная Европа и страны *аш-Шам*, т. е. сиро-палестинский регион. Ибн Хазм говорит о западных и восточных «мелькитах» как об одном сообществе, но, как уже было отмечено выше, понятно, что сам он имел дело главным образом с представителями латинского христианства, от имени которого вышеупомянутый епископ Кордовы ранее изложил свои сетования. Видно также, что Ибн Хазм наблюдал некоторое многообразие в названном сообществе, на что указывает, в частности, его замечание о принадлежности к нему христианских *царей*. Последнее является своего рода концептуаль-

ным противоречием представлению, что мелькиты – это те, кто придерживается вероисповедания, провозглашенного *царем*, то есть византийским императором. По-видимому, в восприятии Ибн Хазма, обширное сообщество мелькитов представлялось имеющим свой центр не в Константинополе.

Обратимся к еще одному, несколько более позднему (XIII–XIV в.), памятнику мусульманской письменности, автор которого также был представителем мусульманского Запада, – географическому словарю Мухаммада ибн ‘Абд ал-Мун’има ал-Химйари «Благоуханный луг известий о странах» (*ar-Rawḍ al-mi‘tār fī ḥabar al-aqtār*)<sup>22</sup>. Об авторе этого труда известно лишь, что он был магрибинцем, и даже время его жизни и творчества остается предметом обсуждения<sup>23</sup>. Географический словарь ал-Химйари представляет собой собрание разнообразных сведений о городах, местностях, достопримечательностях, местных преданиях и обычаях, упорядоченных исключительно алфавитной последовательностью.

Раздел, посвященный Риму, предваряется одноименной статьей о колодце в Медине, выкупленном у его хозяина-еврея халифом ‘Усманом и отданном в пользование мусульманам. Далее сообщается: «Рим (*Rūmā*) – это также крупный город христиан, один из их столпов и престолов. Еще Антиохия – престол, и Александрия – престол, и также престол в Иерусалиме, но он – престол новодельный, его не было во время апостолов, он был принят после них, чтобы возвеличить Иерусалим»<sup>24</sup>. Затем следуют исторические и топографические сведения, сообщается о Тибре, знаменитом холме, храмах, золотой статуе Карла Великого. Делами народа Рима, – говорит ал-Химйари, – ведает Папа (*al-bābah*). «И обязанность на каждом царе из царей христиан, если он встречается с Папой, чтобы он простирался перед ним на земле и, не переставая, целовал ноги Папы, и не поднимал своей головы, пока Папа не прикажет ему встать. И был Рим древний назван Римом ветхим, или старым»<sup>25</sup>. Вслед за этим сообщением вновь идет описание города, затем предлагается рассказ об обычаях его жителей, в том числе литургических, различиях в порядке наследования, осо-

<sup>22</sup> *al-Ḥimyarī, Muḥammad ibn ‘Abd al-Mun‘im ar-Rawḍ al-Mi‘tār fī ḥabar al-aqtār*. Bayrūt: Maktabat Libnān, 1975 (репр.: 1984).

<sup>23</sup> См.: *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957; репр.: *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. (Классики отечественного востоковедения). М.: Восточная литература, 2004. С. 441 слл.

<sup>24</sup> *al-Ḥimyarī, ar-Rawḍ al-Mi‘tār*. §. 274.

<sup>25</sup> *al-Ḥimyarī, ar-Rawḍ al-Mi‘tār*. §. 275.

<sup>19</sup> *Селезнев Н.Н.* Западносирийский книжник из Арфада и иерусалимский митрополит Церкви Востока. «Книга общности веры» и ее рукописная редакция на каршуні // *Syriaca & Arabica* (Символ 58). Париж; Москва: ИФТИ, 2010. С. 47–48 (прим. 50), 74.

<sup>20</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl*. Ğ. 1. §. 54.

<sup>21</sup> *Ibn Ḥazm Kitāb al-faṣl*. Ğ. 1. §. 55–58.

бенностях соблюдения поста, церковном праве. Завершается статья о Риме кратким текстом клятвы, произнесением которой предполагалось обязывать христиан исполнять свои обязательства.

Ал-Химйари не говорит напрямую о «мелькитах», но собранные и изложенные им сведения обнаруживают в его рассказе связь между Римом и его престолом и престолами других ведущих центров. Ал-Химйари известно, что Иерусалимский престол был включен в список патриархатов позднее, и, хотя он прямо не указывает на константинопольскую кафедру (обращая, очевидно, свое внимание, как и Ибн Хазм, прежде всего на те центры, которые уже стали в его время частью исламского мира), его замечание о том, что «древний Рим был назван ветхим», можно считать косвенным указанием на византийскую столицу, тем более что в начале статьи он отмечает, что Константин Великий царствовал в Риме и затем «перебрался в Константинополь»<sup>26</sup>. Несмотря на известную картину «пентархии», просматривающуюся в сообщениях ал-Химйари, нужно было бы признать, что приведенные им сведения не являются прямыми свидетельствами о восприятии «мелькитов» мусульманскими авторами. Однако его сообщениям было суждено оказаться непосредственно связанными с рассмотрением конфессии мелькитов, благодаря использованию «Благоуханного луга» египетским мусульманским энциклопедистом ал-Қалкашанди.

Абу-л-‘Аббас Ахмад ал-Калкашанди (1355/6–1418), служащий *дйвāна* мамлюкских султанов, составил своего рода энциклопедию знаний, необходимых крупному правительственному чиновнику в различных областях, особенно в области ведения документации и дипломатии. Этот многотомный труд получил название «Рассвет подслеповатого [т. е. момент прозрения] в ремесле сочинительства [официальных документов]» (*Ṣubḥ al-a‘šā fī ṣinā‘at al-inšā*)<sup>27</sup>. Ал-Калкашанди собирал сведения о различных религиозных сообществах, в том числе о христианском, главным образом с целью составления действенного текста присяги для их представителей, принимавших на себя обязательства перед мамлюкским правителем.

Обзор «пентархии» ал-Калкашанди помещает во введение раздела о христианстве, предваряющего главы об основных христианских исповеданиях – мелькитах, яковитах и несторианах.

<sup>26</sup> *al-Himyarī*, ar-Rawḍ al-Mi‘tār. Ṣ. 274.

<sup>27</sup> *al-Qalqašandī*, *Abī-l-‘Abbās Aḥmad*. Ṣubḥ al-a‘šā fī ṣinā‘at al-inšā. (14 тт.). al-Qāhirah: al-Maṭba‘a al-‘Amīriyya, 1331–1338 / 1913–1919.

«Патриархов у них уже в древности было [пять], пять<sup>28</sup> престолов, и на каждом престоле патриарх. Первый из них – в городе Риме, занимаемый преемником апостола Петра, направившегося туда для благовествования. Второй – в городе Александрия, занимаемый преемником Марка, ученика вышеупомянутого апостола Петра и преемника его в нем. Третий – в городе Византий, он же Константинополь. Четвертый – в городе Антиохия, который из числа форпостов и [находится] напротив современного Алеппо. Пятый – в Иерусалиме. И самым великим из этих пяти престолов был престол Рима, потому что он – место преемника апостола Петра, затем – престол Александрии, потому что это престол Марка, преемника его»<sup>29</sup>.

В заключении же раздела о мелькитах, сведения для которого ал-Калкашанди заимствовал главным образом из *Kitāb al-milal wa-niḥal* аш-Шахрастани и отчасти из сочинения «Наставление стремящемуся» Шамс ад-Дина ибн ал-Акфани (–1348)<sup>30</sup>, мы обнаруживаем следующие замечания:

«Принимающие толк мелькитов – ромеи и франки, и те, кто к ним примкнул. Мелькиты верят в повиновение Папе, который есть вышеупомянутый патриарх Рима, и, как сказано в «Благоуханном луге», из правил Папы [следующее]: если встречается с ним царь из царей христиан, то простирается [этот царь] на животе своем перед ним и не перестает целовать ноги его, пока тот не прикажет ему встать»<sup>31</sup>.

Здесь мы видим, во-первых, явно выраженное представление о том, что византийское («ромеи») и латинское («франки») направления христианства составляют единую конфессию «мелькитов», и, во-вторых, благодаря прямой цитате из сочинения ал-Химйари и развернутому обзору «пяти престолов», представление о том, что Папа – патриарх Рима, занимает в нем «самый великий из этих пяти престолов» – престол преемников апостола Петра, следом за которым идет «престол Александрии, потому что это престол Марка, преемника его».

Апостол Петр, в представлениях о нем ал-Калкашанди, явно обладал незаурядными преимуществами. В разделе о христианстве он

<sup>28</sup> Примечание издателя: «Ранее (т. V, с. 473 указанного издания) были названы четыре, и престол Византия упомянут не был». Порядок перечисления престолов в указанном месте тоже другой: Рим, Антиохия, Иерусалим, (Александрия), причём издателем отмечено, что «(Александрия)» – «добавлено из Дау», т. е. из сокращенного варианта *Ṣubḥ al-a‘šā – Daw’ aṣ-ṣubḥ al-musfir wa-ḡānu ad-dawḥ al-muṭmir* («Свет зари блистающей и сбор с древа плодоносящего»).

<sup>29</sup> *al-Qalqašandī* Ṣubḥ al-a‘šā. Ğ. 13. Ṣ. 274.

<sup>30</sup> *Ibn al-Akḫānī*, *Šams ad-Dīn* Iršād al-qāšid ilā asnā-l-maqāšid [«Наставление стремящемуся к возвышеннейшим целям»]. Miṣr: Maṭba‘at al-mawsū‘āt, 1900. Ṣ. 54.

<sup>31</sup> *al-Qalqašandī* Ṣubḥ al-a‘šā. Ğ. 13. Ṣ. 277.

упоминается сразу после рассказа о воскресении Христа («Восстал он с утра дня воскресенья, и затем увидел его апостол Петр, и он дал ему поручение»<sup>32</sup>), далее он фигурирует как первый в списке двенадцати апостолов («В основе их двенадцать апостолов – Петр, именуемый также Симоном и Шим’уном – скалой, а также Андрей, брат вышеупомянутого Петра» и т. д.<sup>33</sup>), он же – первый из Евангелистов («И они [т. е. все христиане] согласны в том, что четверо из апостолов взяли написать Евангелие, и это Петр, Матфей, Лука и Иоанн. И написали в нем жизнеописание Христа со времени рождения до времени вознесения его. И написал каждый из них по книге со своим порядком [повествования], на одном из языков. Петр написал Евангелие на языке ромейском (*ar-rūmiyya*) в городе Риме, столице страны *ar-Rūm* и приписал его своему ученику Марку, первому патриарху Александрии, поэтому он известен как Марк-евангелист, и говорят, что написавший его – сам Марк»<sup>34</sup>); составление канонов приписывается «его ученику» Клименту («Затем собрались в Риме те из апостолов, которые отправились в Рим, и записали каноны христианской религии посредством Климента (*Iqlīmiš*), ученика апостола Петра»<sup>35</sup>); первый из патриарших престолов, как уже было сказано, – его престол в Риме, второй, в Александрии, – престол его «преемника в ней»; имя «Папа» от Александрийского патриарха переходит к Римскому («имя “Папа” (*al-bāb*) было перенесено на патриарха Рима, поскольку он преемник апостола Петра»<sup>36</sup>); и перед его преемником простираются ниц цари.

Такому отношению ал-Калкашанди к апостолу Петру можно предложить два объяснения. Первое находится в пятом томе *Ṣubḥ al-a’šā*, в разделе, посвященном должностям и титулам<sup>37</sup>. «Папа, – пишет

<sup>32</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 272.

<sup>33</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 272.

<sup>34</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 272–273. Ср. Brit. Libr. Arund. Or. 20 (1280 A.D.), f. 44; «In hac, Marcus dicitur evangelium suum scripsisse: ‘An Buṭrus ra’s al-ḥawāriyyin bi-madīnat Rūmiyya bi-l-qalam al-firaṅgī’ “Ex ore Petri principis Apostolorum, in urbe Roma, calamo Franco”». Cureton, W., Rieu, Ch., *Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur*. Pars secunda, codices arabicos amplectens. Londini: Impensis Curatorum Musei Britannici, 1846. No. XI (P. 10, note “c”).

<sup>35</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 273.

<sup>36</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 274.

<sup>37</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 472 и далее. Английский перевод этого раздела был издан: Bosworth C.E. Christian and Jewish Religious Dignitaries in Mamlūk Egypt and Syria: Qalqašandī’s Information on Their Hierarchy, Titulature, and Appointment // *International Journal of Middle East Studies*. 1972. № 3:1. P. 59–74; № 3:2. P. 199–216.

там ал-Калкашанди, – стоит у христиан на месте халифа»<sup>38</sup>. Соответственно отношение к халифу волей-неволей переносилось на Папу и затем на Петра. Второе объяснение основывается на форме имени Папы *al-pāp*<sup>39</sup>, выдающей французское произношение заимствованного слова. Возможно, некий беглый франк из Галлии нашел себе место в султанской канцелярии в Египте и произвел впечатление на ал-Калкашанди своими рассказами, или ал-Калкашанди воспринял характерное для «франков» отношение к Папе из некоего свидетельства, содержащегося в использованных им письменных источниках, чему использование «Благоуханного луга» ал-Химйари может служить примером.

Четырнадцатитомная энциклопедия ал-Калкашанди стала классическим произведением арабо-мусульманской литературы. Для последующей эпохи османского владычества сводные труды, дающие описание различных исповеданий, не характерны. С целью контроля за религиозными общинами османскими правителями была введена система *миллетов* (от сирийского *melle*, через арабское *milla*, воспринятого в турецкий язык в форме сопряженного состояния как *millet*) – общин, взаимодействие властей с которыми осуществлялось через их глав. «В хатти-шерифе османского султана Селима, – пишет А.Е. Крымский, – 29 сафара 933 г. хиджры, подтвердившего грамоту Омара, православные названы уже не мелькитами, а впервые “миллét-и рум”»<sup>40</sup>.

В XVIII в. появилось сообщество мелькитов-униатов, усвоившее себе имя «мелькитов» как самоназвание, в связи с чем с середины XIX в. так стало принято называть именно униатов. «Переходя на унию с Римом, униаты пожелали, очевидно, еще в XVIII в. сохранить за собою старинное православное название “мелькиты”. <...> Порфирий Успенский в своем донесении о состоянии сирийской церкви в 1848 г. сообщил как о новшестве, что в этом году новый униатский патриарх Максим решил официально назвать себя в своем послании “мелькитом” и очень этим новшеством взволновал православную иерархию Сирии»<sup>41</sup>. «Употребление слова “мелькит” в смысле “униат” – дело новое», – заключает А.Е. Крымский. Такое ли уж новое, в свете

<sup>38</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 472.

<sup>39</sup> *al-Qalqašandī Ṣubḥ al-a’šā*. Ğ. 13. Ṣ. 472.

<sup>40</sup> «СеMITские языки и народы» Теодора Нёльдеке в обработке А. Крымского. III. Язык арамейский. (Труды по востоковедению, вып. V). М.: Тип. Варвары Гатцук, 1903. С. 152. Прим. 205.

<sup>41</sup> *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы: XIX – начало XX века. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 351. Прим. 57.

свидетельств арабо-мусульманских полемистов и исследователей религий? «Мелькиты верят в повиновение Папе»...

### Заключение

На основании рассмотренных материалов можно сделать некоторые предварительные наблюдения.

(1) Мусульманский полемист из Андалусии Ибн Хазм в своем критическом разборе христианской догматики, и в частности учения о Боговоплощении, не довольствуется рассмотрением общехристианских представлений, но вникает в догматические расхождения основных христианских сообществ. Он следует при этом уже сложившемуся в мусульманской полемической литературе подходу: рассматривать различные исповедания с точки зрения их близости или удаленности по отношению к вероучительным взглядам мусульман.

(2) Становление и развитие традиционного мусульманского религиозоведения способствовало распространению представления о трех основных конфессиях христианства: несторианстве, мелькитстве и яковитстве. Тезис о том, что три перечисленные направления по сути дела охватывают все позиции в христианском вероучении, был воспринят и в кругах христианских мыслителей Востока. В числе «мелькитов» таким образом оказывались как греки-халкидониты, так и верные Халкидону представители латинского Запада<sup>42</sup>.

(3) В обзоре христианских исповеданий у Ибн Хазма конфессия «мелькитов» выделяется как наиболее влиятельная, причем отмечается, что к ней принадлежат «христианские цари» (за исключением правителей эфиопов и нубийцев). Последнее замечание свидетельствует о том, что в «царском толке» этот мусульманский наблюдатель видел сосуществование политически разных сообществ, что напоминает нам об известном историческом расхождении греческой и латинской традиций, чему способствовала коронация Карла Великого, который стал олицетворять западное царство в противовес императору Византии.

<sup>42</sup> Об аналогичной проблеме в отношении состава сообщества «яковитов», которое подобным образом объединяло в себе весьма различившихся по языку, этничности и истории формирования своих общин противников халкидонского собора, автором этих строк подготовлено отдельное исследование: Селезнев Н.Н. Интерпретации происхождения названия «яковиты» у средневековых арабоязычных египетских авторов // Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение, африканистика». 2012. № 20 (100)/12. С. 153–168.

(4) Мусульманский географ из Магриба ал-Химйари свидетельствует о том, что римский Папа, занимающий один из ведущих патриарших престолов, пользуется в глазах «христианских царей» высшей властью. Среди прочего, этот автор упоминает о золотой статуе Карла Великого как об одной из достопримечательностей Рима.

(5) Египетский энциклопедист XV в. ал-Калкашанди обобщает свидетельства своих предшественников и заявляет, во-первых, о первенстве престола наследников апостола Петра в Риме, и во-вторых, о том, что толк мелькитов объединяет ромеев и франков. *Magnum opus* ал-Калкашанди, проигнорировавший расхождение традиций греческих и латинских халкидонитов и описывающий мелькитов как христиан, которым свойственно почитание Папы, стал одним из классических произведений арабо-мусульманской литературы.

(6) В связи с вышеперечисленным или вне такой связи (чтобы предметно судить об этом, требуется дополнительное исследование данного предмета применительно к османской эпохе, времени господства турецкого языка) (само)название «мелькиты» в конечном счете закрепилось именно за теми восточными общинами, которые заявили о пребывании в общении с Римским престолом.

### БИБЛИОГРАФИЯ

- Деяния Вселенских Соборов. Т. 1–7. Казань: КДА, 1892–1913.
- Жамкочян А.С. Йусуф ал-Магрибй и Самаритянское Пятикнижие // Жамкочян А.С. Вновь идентифицированные и неопубликованные фрагменты арабских версий самаритянского Пятикнижия из собрания Российской Национальной библиотеки. СПб.; М.: Паймс, 2001. С. 207–209.
- Ибн Хазм Ожерелье голубки / Пер. с араб. М.А. Салье под ред. И.Ю. Крачковского. М.: Изд-во вост. лит., 1957.
- Католикос и Халиф: Богословские собеседования между Католикосом Церкви Востока Мар Тиматеосом I (727–823) и халифом ал-Махди, повелителем правоверных / Пер. с араб. Н.Н. Селезнева под ред. Д.А. Морозова // Камень веры: духовное наследие христианства и ислама. 2011. № 1. С. 67–100.
- Крачковский И.Ю. Арабская культура в Испании. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937.
- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957; репр.: Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. (Классики отечественного востоковедения). М.: Восточная литература, 2004.



Крымский А.Е. История новой арабской литературы: XIX – начало XX века. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971.

Поснов М.Э. История христианской Церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1964.

Селезнев Н.Н. Западносирийский книжник из Арфада и иерусалимский митрополит Церкви Востока. «Книга общности веры» и ее рукописная редакция на каршуни // Syriaca & Arabica (Символ 58). Париж; М.: ИФТИ, 2010. С. 34–87.

Селезнев Н.Н. Интерпретации происхождения названия «яковиты» у средневековых арабоязычных египетских авторов // Вестник РГГУ: Серия «Востоковедение, африканистика». 2012. № 20 (100)/12. С. 153–168.

«Семитские языки и народы» Теодора Нёльдеке в обработке А. Крымского. III. Язык арамейский. (Труды по востоковедению, вып. V). М.: Тип. Варвары Гатцук, 1903.

Смирнов А.В. Словарь средневековой арабской философской лексики // Средневековая арабская философия. Проблемы и решения / Отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Восточная литература, 1998.

Христиане в сводном труде служащего мамлюкской канцелярии: ал-Қалқашанди о христианстве и его основных конфессиях / Пер. с араб. Н.Н. Селезнева; под ред. Д.А. Морозова // Syriaca & Arabica (Символ 58). Париж; Москва: ИФТИ, 2010. С. 386–402.

Чернина Л.В. «Non gente, sed fide Judaeus» и «fide et gente Hebraeus»: к проблеме вероотступничества в аль-Андалусе IX века // Вестник РГГУ. Серия «История / Studia classica et mediaevalia». 2008. № 12 («Кентавр» № 5). С. 136–152.

аш-Шахрастанӣ, Муҳаммад ибн Абд ал-Карӣм. Книга о религиях и сектах (Kitāb al-milal wa-n-nihāl). Ч. 1: Ислам / Пер. с араб., введ. и комм. С.М. Прозорова. (Памятники письменности Востока, 75). М.: Наука, 1984.

Āasī Gh. H. Muslim Understanding of Other Religions: An Analytical Study of Ibn Ḥazm's Kitāb al-Faṣl fī al-Milal wa al-Ahwā' wa an-Nihāl. Ph.D. Dissertation. The Temple University, 1986.

Bosworth C.E. Christian and Jewish Religious Dignitaries in Mamlūk Egypt and Syria: Qalqashandī's Information on Their Hierarchy, Titulature, and Appointment // International Journal of Middle East Studies. 1972. № 3:1. P. 59–74; № 3:2. P. 199–216.

Cureton W., Rieu Ch. Catalogus codicum manuscriptorum orientalium qui in Museo Britannico asservantur. Pars secunda, codices arabicos amplexens. Londini: Impensis Curatorum Musei Britannici, 1846.

Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. B. 2/2: Die Kirche von Konstantinopel im 6. Jahrhundert. Freiburg–Basel–Wien: Herder, 1989.

al-Ḥimyarī, Muḥammad ibn 'Abd al-Mun'im ar-Rawḍ al-Mi'tār fī ḥabar al-aqṭār. Bayrūt: Maktabat Libnān, 1975 (перп.: 1984).

Ibn al-Akfānī, Šams ad-Dīn Iršād al-qāšid ilā asnā-l-maqāšid. Mišr: Maṭba'at al-mawsū'āt, 1900.

Ibn Ḥazm, Abū Muḥammad 'Alī Kitāb al-faṣl fī-l-milal wa-l-ahwā' wa-n-nihāl. [al-Qāhira: al-Maṭba'a al-'Adabiyya], 1321 [1903].

Indiculus luminosus // Patrologia Latina / Accur. J.-P. Migne. T. CXXI. Paris: Apud J.-P. Migne, 1852. Col. 554–556.

Juynboll G.H.A. Encyclopedia of Canonical Ḥadīth. Leiden–Boston: Brill, 2007.

Kelly J.N.D. Early Christian Creeds. London–New York: Continuum, 2006.

Kitāb al-milal wa-n-nihāl. Book of Religious and Philosophical Sects, by Muhammad al-Shahrastāni / Ed. by W. Cureton. Pt. 1. London: Soc. for publication of Oriental texts, 1842.

Mingana A. Sources Syriaques, Vol. I, Mšīḥa-Zkha (texte et traduction). Bar-Penkayê (texte). Leipzig: O. Harrassowitz, [1908].

Pulcini Th. Exegesis as polemical discourse: Ibn Ḥazm on Jewish and Christian Scriptures. 2 vols. (Ph.D. Dissertation. University of Pittsburgh, 1994). Atlanta: The American Academy of Religion, 1998.

al-Qalqashandī, Abī-l-'Abbās Aḥmad Ṣubḥ al-a'šā fī šinā'at al-inšā. (14 тт.). al-Qāhira: al-Maṭba'a al-'Amīriyya, 1331–1338 / 1913–1919.

Risālat 'Abd Allāh ibn Ismā'īl al-Hāšimī ilā 'Abd al-Masīḥ ibn Ishāq al-Kindī yad'ū-hu bi-hā ilā al-Islām, wa-risālat 'Abd al-Masīḥ ilā al-Hāšimī yaruddu bi-hā 'alay-hi wa-yad'ū-hu ilā-n-nasrāniyah. London: [б.и.], 1885.

S. Leonis Papae I Epistola ad Flavianum Episcopum Constantinopolitanum // Patrologia Latina / accur. J.-P. Migne. T. LXII. Paris: Apud J.-P. Migne, 1863. Col. 503–508.

Schwartz E. [et al.] Acta Conciliorum Oecumenicorum. T. 1–4. Berolini; Lipsiae: Walter de Gruyter, 1914–1984.

Tartar G. Dialogue islamo-chrétien sous le Calife al-Ma'mūn (813–834): Les épîtres d'al-Hashimī et d'al-Kindī. (Études Coraniques). Paris: Nouvelles Éditions Latines, 1985.

Thomas D. Anti-Christian polemic in early Islam: Abū 'Īsā al-Warrāq's "Against the Trinity". Cambridge: Cambridge University Press, 1992.